

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

1
306
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 19

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
ИЮНЬ

Рис. Ре-ми.

АНАРХІЯ.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ, по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

Рис. В. Л.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ПОШЛОСТЬ.

Когда на улицах столицы
Кружила въ бѣшенствѣ гроза,
Когда у родины-тигрицы
Пылала мщеніемъ глаза,

Когда пришелъ и сталь на стражѣ,
Хозяинъ истинный — народъ,
Ждала Россія, что прикажетъ,
Куда направить тяжкій ходъ.

Изъ черныхъ ямъ, домовъ и башенъ
Единымъ зовомъ изошла
Столица свѣтлая, и страшень
Быль знакъ февральскаго числа.

Подъ бѣлымъ куполомъ дворцовымъ,
Вобравъ всю боль надеждъ и мукъ,
Рождалась явь, чудеснымъ словомъ
Сплета въ одно мильоны рукъ.

Упали царскія вериги,
Корона сорвана съ герба,
Но вы взгляните — въ пыльной книгѣ
Страницы сблизила судьба...

Вы свергли иго, вы свободны,
Но онъ оплеванъ — красный цвѣтъ,
И цвѣта крови всенародной
Конторщикъ сшилъ себѣ жилетъ.

Плодятся мерзости, какъ крысы,
И звонко хвалятъ дѣтвора
«Романъ развратнѣйшей Алисы»
И «Тайны Гришкина двора».

Тоскою жадности не сыты,
Въ «концерты-митинги» спѣша,
Всѣмъ рукоплещутъ Афродиты
И пляшутъ рѣчи антраша.

Я вижу новую царицу,
Въ пунцовомъ бархатѣ, въ шелкахъ,
Ея безстыжія рѣсницы
Влюбленнаго повергнуть въ прахъ.

День ото дня жирѣетъ свита,
Изъ горла рвется жадный крикъ,
Она гирляндами увита
Неувядающихъ гвоздикъ.

Пройдя съ триумфомъ по панели,
Кричатъ всѣмъ гражданамъ «ура»
Ея величество велѣли
Короткимъ росчеркомъ пера...

Александръ Флитъ.

А Н А Р Х И Я.

Рядовой нестроевой роты Новохоперскаго полка Егоръ Вавилинъ получилъ отпускъ на четыре дня и поѣхалъ къ себѣ въ Малые Кнугищи.

Два дня онъ раздумывалъ на станціи: можно ли ему, неумытому мужику, залѣзть въ третій классъ, а на слѣдующій день безповоротно залѣзть на крышу вагонъ-салона и на пять сутокъ, какъ разъ когда кончился срокъ его отпуска, пріѣхать въ Кнугищи. Беспорядокъ тамъ былъ большой. Во-первыхъ, оба сосѣда прошлой осенью изругали его бабу нехорошими словами, во-вторыхъ, староста высказалъ предположеніе, что никому никакой земли не дадутъ, а все это наврала въ городѣ студенты, которыхъ забрали въ прапорщики — вотъ они рады, что не надо учиться и болтаютъ зря, а въ-третьихъ, свинья околѣла, а отъ чего — никто не знаетъ.

Поэтому Вавилинъ испилъ дома чайку, покалякалъ съ бабой и глухимъ отцомъ, надѣлъ новую рубашку и пошелъ бить морду Кузьмѣ Рябому, котораго считалъ причиной почти всѣхъ неприятностей.

Кузьма зналъ, что на фронтѣ народъ отчаянный, и терпѣливо ждалъ, пока Вавилинъ кончитъ его бить. Потомъ вытеръ мокрой тряпкой попорченный носъ, вышелъ на улицу и началъ кричать:

— Братцы... Робятушки... Что же это, виданое ли дѣло, чтобы человѣка ни за што, ни за-про што...

— А кто это тебя выгладилъ-то? — любопытствовали крестьяне.

— Кто, кто... Знамо, Егорка Вавилинъ... Нешто кто другой къ чужой мордѣ среди бѣлаго дня приспособливаться будетъ?

— Ишь ты... Значитъ, пріѣхалъ Ягоръ-то... Пойти, поразговорить, что ли... Солдатъ — человѣкъ сурьезный, всякую новость знаетъ...

Пошли къ Вавилину, а Кузьма Рябой направился къ лавочнику и безапелляціонно заявилъ.

— Счасъ мнѣ Егорка Вавилинъ харю отлакировалъ, а потомъ тебя таскать придетъ. Злобы въ емъ много.

Такъ какъ дѣло было вечеромъ, лавочникъ почесался и закрылъ сначала лавочку, потомъ ставни, а самъ забрался въ баню.

Учитель, забѣжавшій въ лавочку за ситнымъ, былъ очень удивленъ, что она закрыта.

— А Антонычъ-то гдѣ? Пойди, въ городъ поѣхалъ, вотъ и закрылъ...

— Антонычъ спрятавши, — радушно пояснила дѣвка, запиравшая ворота, — солдатъ Вавилинъ пріѣхалъ на деревню. Бумажка-то отпускная у него значитъ кончивши, вотъ онъ къ людямъ и присыпается. Кузьму избилъ, теперь къ Антонычу придетъ. Хорошо ежели рукамъ, а то и топоричесемъ хватить...

— Такъ...

За ситнымъ учитель пошелъ на станцію.

— Ну, что у васъ новенькаго на Марсѣ, какъ говорить, господинъ Джорджъ Гербертъ Уэльсъ? — любезно спросилъ его телеграфистъ Пупявинъ.

— Да ничего. Вчера сапоги чеботарю заказалъ.

— Тэ-эк-съ... А мужички?

— Ахъ, да... Дезертиръ одинъ тамъ, Вавилинъ, кажется, пріѣхалъ... Громить. Кого кулаками, кого топоричесемъ... Лавочка закрылась...

— Да ну? Здорово. Одинъ?

— Кажется. А можетъ и не одинъ. Дезертировъ-то много развелось.

Когда учитель ушелъ, телеграфистъ Пупявинъ слегка поковырялъ корявымъ пальцемъ въ зубахъ, сплонулъ и пошелъ къ помощнику начальника станціи.

НИКТО ЕГО НЕ ПОНИМАЕТЪ.

Бетманъ-Гольвегъ: — Я ли не хочу, чтобы благостный миръ, выработанный въ Германіи, опустился на воюющихъ, господа союзники, но вы въ самый рѣшительный моментъ почему-то начинаете протестовать...

— А я вамъ темку принесъ, Сергѣй Антоновичъ... Въ Малыхъ Кнутищахъ дезертиры понаѣхали... Главный у нихъ не то Ермолинъ, не то Гарнилинъ... Тамъ лавочку закрыли они... Топорищами тамъ и еще чѣмъ-то...

Сергѣй Антоновичъ былъ человекъ серьезный и жилъ не только на жалованье, а телеграфировалъ въ «Русское Слово» и получалъ бесплатно газету. На визитной карточкѣ, подъ фамиліей Савкинъ, прописными буквами стояло: «Собственный корреспондентъ столичныхъ, московскихъ и петроградскихъ газетъ». Поэтому на этотъ разъ онъ ушелъ со службы раньше, заперся въ комнатѣ и, нѣсколько разъ мѣняя перо, къ которому откуда-то все время приставала паутина, составилъ телеграмму:

«Москва. «Русское Слово». Малыхъ Кнутищахъ дезертиры погром. лавку, многихъ руками, топорищами. Предводитель Гремчукъ. Продолжается паника.

Савкинъ».

Потомъ подсчиталъ, сколько все будетъ стоить, и панику зачеркнулъ.

— Сами догадаются. У нихъ профессора тамъ.

Черезъ два дня очередной редакторъ, котораго кухарка перестала звать баринкомъ, а встрѣчный солдатъ толкнулъ локтемъ и который поэтому вообще боялся, что буржуазію, а онъ получалъ семьсотъ рублей въ мѣсяць, — будутъ рѣзать, взялъ со стола савкинскую телеграмму и нѣсколько разъ прочелъ ее.

— Н-да-съ, — прошепталъ онъ многозначительно, покачалъ головой и поставилъ наверху толстымъ синимъ карандашомъ:

«Анархія».

Въ очередномъ номерѣ телеграмма появилась въ такомъ видѣ:

АНАРХІЯ.

Шупаевскій уѣздъ, Костромской губерніи. На деревню Малая Дудица совершила налетъ организованная шайка дезертировъ подъ предводительствомъ извѣстнаго въ губерніи конокрада Ерчука. Шайка разгромила всѣ лавки и магазины, перебила топорами населеніе. Въ уѣздѣ паника, передающаяся всей губерніи. Что смотритъ мѣстный совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ?»

Въ тотъ же день замѣтка была передана по телеграфу изъ Москвы въ Петроградъ и появилась въ газетахъ подъ заглавіемъ «Массовое дезертирство изъ арміи въ Костромскую губернію. Анархія».

Крупный писатель прочелъ замѣтку и написалъ горячую статью, гдѣ съ фактами въ рукахъ доказывалъ, что Россіи уже не существуетъ, предлагая считать Петроградъ японской колоніей, а себя корейцемъ.

Ивану Харитоновичу (17 Рождеств., д. 8, входъ со двора, какъ войдешь — направо) очень понравилась эта статья и за вечернимъ чаемъ, когда жена заговорила о томъ, что Катенька схватила ангину, онъ обиженно заявилъ:

— Ну да... Теперь же вездѣ анархія... Читала, что пишутъ?

А когда жена заявила, что газеты теперь стоятъ восемь рублей въ мѣсяць, уныло добавилъ:

— То-то и оно-то... Тамъ анархія, а здѣсь Милуковы уходятъ. Все къ одному... Будемъ у японцевъ бѣлье стирать... А за границу поѣдешь — засмѣютъ...

Анархія надвигалась. Вечерѣло.

Арк. Буховъ.

ДИСЦИПЛИНА НЕОБХОДИМА ВЕЗДѢ.

Рис. Ре-ми.

Мужъ: — Господа! Вѣдь братаніе же запрещено повсемѣстно и во всѣхъ формахъ!

Отъ издательства:

Готовится къ печати

≡ „ЭШАФОТЪ“ ≡

Органъ памфлетовъ.

Редакторъ: Петръ Тильскій.

ЦИТАТА КО ВРЕМЕНИ.

Рис. В. Антоновскаго.

„По слухамъ Марковъ II
убѣжалъ въ Америку“.
(Изъ газетъ.)

— И кто-то камень положилъ въ ея протянутую руку.

МАЙСКОЕ.

Солнце брызжетъ не по дозамъ,
Зато ~~пыло~~ все село —
Улыбаюсь подъ гипнозомъ
Всѣмъ довѣрчиво тепло...
Прохожу надъ спускомъ мола,
Вспоминаю... — «Времена!
Здѣсь вѣдь русская крамола
Встарь садила сѣмена...»
За натасканнымъ навозомъ,
Озираясь, лѣзли въ хлѣвъ...
Но творили чуждый позамъ
Настоящій жгучій гнѣвъ...
Нынче это много проще —
Оттого блѣднѣе такъ,
Вишь болтаются на рощѣ
И плакатъ и красный флагъ...
Солнце сердце распахнуло,
Зеленѣетъ въ полѣ новь...
И душа весь гнетъ стяхнула,
Ищетъ правду и любовь...
Сколько, сколько я не видѣлъ
Изъ того, что есть крупомъ, —
Оттого, что ненавидѣлъ,
Оттого, что былъ рабомъ...
Нынче жъ бросься въ бездны знаній,
Тайны міра освѣти,
И никто твоихъ исканій
Не задержитъ по пути:
«Постороннимъ входа нѣту!..
Нуженъ пропускъ иль билетъ!»
Нынче пропускъ всѣхъ — «Свобода»,
А билетовъ вовсе нѣтъ!..
Выходи въ толпу съ привѣтомъ,
Сердцемъ къ небу поднимись —
Раньше жъ ныла подъ запертомъ,
Кромѣ «безднъ», и эта высь...
Раньше маленькую дверцу
Для любви святой утѣхъ
Къ человѣческому сердцу

Закрывали пуще всѣхъ!

Моль... зеленая юсина...
Вѣтеръ сказки говоритъ...
Сердцу милая картина —
Жаль, лишь мельница молчить!..

Сергѣй Михѣевъ.

ШОПОТОМЪ.

Въ Кронштадтѣ, по слухамъ, начались аграрные безпорядки. На крейсерахъ матросы обезоруживаютъ помѣщиковъ и жгутъ барскія усадьбы.

Въ Пензѣ образовалось новое общество «Черная Муть», разославшее смертныя приговоры всѣмъ участникамъ революціи. Наблюдается (бумажный) кризисъ. По городу разѣзжаютъ танки и бомбометы. Всѣ водныя пространства минированы. Населеніе до трехлѣтняго возраста вырѣзано неизвѣстнымъ злоумышленникомъ. Царскіе дни отмѣнены. Безпокойство растетъ.

Въ Тобольскѣ появился антихристъ, занявшій лучшей домъ въ городѣ. Населеніе въ паникѣ требуетъ присоединенія Сибири къ Парагвайской республикѣ. Всѣ окончившіе курсъ двухклассныхъ училищъ объявлены буржуями и врагами народа.

Въ Саратовской губерніи у священника родилась дочь шести лѣтъ, сразу заговорившая по-французски и предсказавшая близкую гибель Россіи и возвращеніе къ власти Распутина.

Въ Вяткѣ мѣстные реалисты объявили себя большевиками и заключили сепаратный миръ съ Болгаріей. Въ городѣ ликование. Ходятъ манифестаціи съ портретами Николая II, Игоря Сѣверянина, Кшесинской и другихъ коронованныхъ особъ.

Фрейлина Вырубова получаетъ ежедневно массу привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. Получена посмертная телеграмма отъ Мечникова: «Поздравляю съ достиженіемъ завѣтныхъ мечтаній. Здоровъ. Пишите...»

Говорятъ, что бывшіе министры каждую ночь ѣздятъ изъ Петропавловской крѣпости въ Ливадію на совѣщаніе съ великими князьями. Керенскій распорядился ни къ какому случаю не давать имъ отдѣльныхъ вагоновъ.

Говорятъ, что Ленинъ, прочтя резолюціи казаковъ и черноморцевъ, срочно подалъ прошеніе въ школу прапорщиковъ. На биржѣ переполохъ.

Впрочемъ, напрасно. По слухамъ эти слухи не подтверждаются.

Василій Стариковъ.

ЧЕРЕЗЪ ГОДЪ.

Въ 1918 году въ Россійской республикѣ было учреждено министерство искусствъ.

Вопросъ о наименованіи новаго вѣдомства вызвалъ оживленные и продолжительные споры. Совѣтъ министровъ настаивалъ на «министерствѣ искусствъ», а «совѣтъ рабочихъ, депутатовъ» требовалъ «министерства пролетарской эстетики». Послѣ долгихъ дебатовъ буржуазія пошла на уступки, и былъ найденъ удобный компромиссъ — «пролетарское министерство изящныхъ искусствъ». Во главѣ новаго вѣдомства сталъ популярный въ рабочихъ массахъ товарищъ Осипъ, и работа закипѣла. Министерству предстояло кореннымъ образомъ измѣнить сытый характеръ прежняго буржуазнаго искусства и приспособить его къ насущнымъ потребностямъ новаго строя.

Въ первую очередь была образована специальная комиссія — «отдѣлъ картинъ, скульптуры обнаженія и прочаго буржуазіата». Въ комиссію почти каждый день поступали жалобы на контръ-революціонный характеръ музеевъ:

«Мы, пролетаріи котельно-сварочной мастерской, протестуемъ противъ пребыванія въ Эрмитажѣ статуи фараона (царя) Аменхотепа XXIV. Представителямъ царизма не мѣсто въ свободной Россіи! Кромѣ того, не исключается возможность монархической пропаганды съ цѣлью вооруженнаго возстанія. Считаемъ своимъ долгомъ указать, что въ нѣкоторыхъ музеяхъ до сихъ поръ имѣются изображенія римскихъ, греческихъ, китайскихъ и прочихъ царей. При-

нимая во вниманіе, что задачи революціоннаго пролетаріата не замыкаются только Россіей и направлены на повсемѣстное сверженіе царизма, честь имѣемъ покорнѣйше просить и т. д.»

Подобныя ходатайства поступали почти ежедневно, и министр искусствъ рѣшилъ измѣнить названія статуй и картинъ.

Бюстъ римскаго императора Веспасіана былъ снабженъ картонной табличкой съ надписью: «Товарищъ Веспасіанъ, предсѣдатель римскаго кооператива кожевниковъ».

Статуя Юстиніана стала называться: «Неизвѣстный византійскій слесарь».

Картина, изображающая въѣздъ Карла V въ Мадридъ, была снабжена припиской: «Первомайская процессія голландскихъ пекарей».

Полуистлѣвшій фрагментъ мозаики, изображающей битву Александра Македонскаго при Иссъ, былъ переименованъ въ «Греческіе рабочіе стаскиваютъ городовыхъ съ пулеметами».

А «Смерть Инессы де-Кастро» кисти Брюллова получила названіе: «Допросъ террористки въ охранномъ отдѣленіи».

Труднѣе обстояло дѣло съ средневѣковой живописью и раннимъ Ренессансомъ. Но министръ проявилъ большую изобрѣтательность и установилъ основной методъ измѣненія заглавій. Картины Боттичелли стали называться «Неизвѣстный авторъ». «Непонятный сюжетъ». А мадонны Рафаэля были снабжены подписью: «Пейзажъ».

Послѣ музеевъ и картинныхъ галлерей новое министерство обратило тщательное вниманіе на театр. Рядъ пьесъ пришлось совершенно запретить, а въ другія пришлось внести существенныя измѣненія. Такъ, на примѣръ, въ «Ревизорѣ» городничій именовался «уѣзднымъ комиссаромъ», Хлестаковъ выдавалъ себя за «делегата Временнаго Правительства», Ляпкины-Тяпкины назывались предсѣдателемъ «комитета общественной безопасности», а появляющійся въ послѣднемъ актѣ жандармъ былъ замѣненъ милиціонеромъ. Въ «Горѣ отъ ума» Скалозубъ былъ одѣтъ въ жандармскій мундиръ и назывался «полковникъ Протопоповъ», а Васко де-Гамо въ «Африканкѣ» — по должности моряка — былъ безъ погонь.

Много работы пришлось потратить министру на исправленіе литературныхъ текстовъ, не соответствовавшихъ новому государственному строю. Фраза царя Θεодора изъ Толстовской трилогіи: «Я царь или не царь» въ новыхъ изданіяхъ значилась иначе:

«Я бывший царь или не бывший царь?»

Даже иностранныя пьесы подверглись серьезнымъ исправленіямъ. Въ знаменитомъ монологѣ Орленка на Ваграмскомъ полѣ была исправлена фраза: «... Царствовать, быть вѣнченоснымъ, мечта моей жизни и право мое». Эта фраза читалась слѣдующимъ образомъ: «Отречься отъ престола, быть арестованнымъ въ Царскомъ Селѣ, мечта моей жизни и право мое...»

Министерство распорядилось разослать во всѣ театры циркуляры, чтобы выведенные на сценѣ императоры и цари обязательно измѣнили свои наряды. Борисъ Годуновъ появлялся въ черной скромной визиткѣ, Неронъ въ рабочей блузѣ, а Іоаннъ Грозный въ сѣрой пиджачной тройкѣ. Шалка Мономаха была замѣнена котелкомъ, а золотой вѣнецъ — мягкой панамой.

Къ концу 1919 года министерство искусствъ обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ изъять всѣ учебники исторіи и ввести новые, въ которыхъ слова: «царь», «монархъ», «императоръ», «кесарь» были бы соответствующе замѣнены: «товарищъ», «человѣкъ», «мужчина», «нѣкто».

... Въ вестибюлѣ министерства стояла статуя Аполлона, на которой была прибита мѣдная дощечка: «Долой буржуазіатъ! Съ товарищескимъ привѣтомъ — Аполлонъ!»

Бор. Мирскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Въ виду увеличенія типографскимъ служащимъ и рабочимъ платы за работу, цѣна за журналъ «Нов. Сатириконъ» соответственно увеличена.

„МУТЪ“.

Не хватаетъ красной краски
Для плакатовъ, флаговъ, бантовъ,
Убѣжденій и платформъ.
Подъ покровомъ алой маски
Толпы старыхъ комедьянтовъ
Перешли на свѣжій кормъ.

Завсегдатаи охраны,
Перекусившись, успѣли,
Отразиться въ сотняхъ призмъ:
Шлютъ привѣтствія Родзянкѣ,
Поздравляютъ Церетелли,
Поощряютъ анархизмъ.

Всѣхъ программъ и партій шире,
Въ духѣ Маркова второго,
Въ кучкахъ уличныхъ зѣвакъ
Разлагольствуютъ о мирѣ,
Разбиваютъ съ полуслова
Бронированный кулакъ.

Забѣгаютъ слѣва, справа,
Воютъ: бей буржуазію!
И евреевъ кстати бьютъ...
Непреклонно и лукаво
Опускаютъ въ гробъ Россію
И отходную поютъ.

Василій Стариковъ.

ПРОСВѢТЛЕНІЕ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Милиціонеръ: — Ну куда вы въ пьяномъ видѣ лѣзете въ кинематографъ! Во-первыхъ, васъ посадитъ администрація, во-вторыхъ, публика, а въ третьихъ, я васъ отведу въ комиссаріатъ...

Пьяный: — Теперь я понимаю, что такое многовластіе, которое губитъ Россію...

Револүція оставила ихъ тѣми же обывателями.

Интеллигентъ: — Вотъ вы, анархисты, говорите, что орудія производства немедленно должны быть отняты. Хорошо фабриканту. у него отнимутъ машины, но вѣдь у меня единственное орудіе производства — моя голова...

КАКЪ МЫ ЭТО ПОНИМАЕМЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

У мужа и жены Маниловыхъ есть двое дѣтокъ: Алкивѣадъ и Ѳемистоклюсь.

И прѣхалъ къ нимъ погостить знакомый господинъ, Ердацагинъ.

Если бы кто могъ видѣть, какая радость, какой восторгъ воцарились въ мирной усадьбѣ Маниловыхъ, когда къ нимъ ввалился невытый, небритый, нечесанный господинъ Ердацагинъ.

— Ердацагинъ прѣхалъ! Нашъ дорогой, милый, замѣчательный Ердацагинъ! Лучшія блюда Ердацагину! Лучшіе покои Ердацагину! Да здравствуетъ свободный гражданинъ Ердацагинъ!

Вошелъ въ отведенные ему покои Ердацагинъ, потянулся, смачно сплюнулъ на пушистый коверъ и, не побрившись, не умывшись, завалился спать.

Вышелъ только къ вечернему чаю.

— А вотъ наши дѣтки: Алкидъ и Ѳемистоклюсь, — представила гостю дѣтокъ madame Манилова. — Очень хорошія дѣтки.

Гость критически оглядѣлъ дѣтокъ и замѣтилъ:

— Лица у нихъ только тупыя. Не видалъ болѣе омерзительныхъ ребятишекъ. Ихъ развивать нужно да развивать. Впрочемъ, я сегодня же этимъ займусь.

Свое обѣщаніе ретивый Ердацагинъ исполнилъ.

— Дѣти, — сказала мать послѣ чаю. — Вамъ уже пора въ постельки. Девять часовъ.

— Много она понимаетъ, — уомѣхнулся Ердацагинъ. — Не ходите.

— Нѣтъ ужъ, имъ надо спать, — примирительно улыбаясь, сказала мать. — Вы ужъ ихъ не задерживайте. Я пойду распоряджусь по хозяйству, а вы ихъ отправьте спать.

Когда мать ушла, Ердацагинъ откинулся въ креслѣ, заложилъ ногу за ногу и, сплунувъ въ полоскавательницу, вдохновенно началъ:

— Долженъ вамъ сказать, дѣтки, что мать ваша форменная дура, а папахенъ — старый жалкій тюфякъ. Вы только меня слушайте, дѣтки. Вотъ вамъ, напримѣръ, очень хочется спать?

Алкидъ подумалъ немного и вздохнулъ самымъ откровеннымъ образомъ:

— Очень.

— А вы не ложитесь! Нарочно, изъ протеста не спите.

— Такъ ежели спать хочется!..

— «Ежели, ежели», — обидѣлся гость. — Вотъ дамъ тебѣ по мордѣ, будешь знать «ежели»! Выкурите пару папиросъ, вотъ и не будетъ тянуть ко сну.

— Намъ нельзя курить. Мы маленькіе.

— Мы даже и не умѣемъ.

— Учиться надо, привыкать. Возьмите у отца папиросы и курите на здоровье.

— Папины папиросы спрятаны въ столъ, а столъ запертъ.

— Подумаешь, важность. Взломайте.

Алкивѣадъ прижался плечомъ къ Ѳемистоклюсу и поглядѣлъ на Ердацагина широко раскрытыми глазами.

— Какъ, взломать? Развѣ можно? Папа будетъ очень огорченъ.

— Важное кушанье! Вѣдь не убьетъ же!

— Нѣтъ. Онъ насъ даже никогда не бьетъ. Только говоритъ.

— Ну, вотъ. И пусть себѣ говоритъ, сколько влѣзетъ. Онъ говоритъ, а вы дѣлайте. Вообще, братцы, къ чорту эти церемоніи! Они васъ чѣмъ кормятъ?

— Супъ, котлеты, зелень, мороженое.

— И глупо! Требуйте себѣ на первое битыя сливки съ бисквитомъ, на второе блинчики съ вареньемъ, на третье мороженое, а закусить можно пряниками, что ли или какимъ тамъ мармеладомъ.

— А ежели не дадутъ!..

— Вотъ идиоты! Такъ объявите голодовку! Повертятся, повертятся, да жалко станеть и сдѣлаютъ все, что хотите!

— А что намъ утромъ дѣлать? — робко прошепталъ покорный Ѳемистоклюсь.

— Утромъ? Шумите побольше. Хорошо также разбить парочку разъ. Учителя обзовите осломъ Поняли? Будетъ исполнено?

— Путеть, — потупясь, прошепталъ Алкидъ.

— Нѣтъ ли у васъ дохлыхъ кошекъ?

— Нѣту!..

— Тогда убить надо. Убейте и суньте отцу подъ одѣяло. Полѣзетъ онъ въ кровать, анъ тамъ кошка. Развеселое дѣльце, а? Да?

— Та!.. — согласился еще болѣе оробѣвшій Алкидъ.

— А теперь айда, взламывать столъ!!

Утромъ на другой день супруги Маниловы и гость Ердацагинъ встрѣтились за чайнымъ столомъ.

— Каково изволили почивать? — привѣтливо освѣдомился Маниловъ.

— Не твое дѣло, буржуазная морда, — твердо парировалъ гость. — А ты какъ дрыхалъ?

— Да знаете, не совсѣмъ хорошо. Кто-то взломалъ у меня ящикъ письменнаго стола, утащилъ всѣ папиросы, а подъ одѣяло въ спальнѣ засунулъ дохлую кошку.

— Правильно. Твои же дѣти и сдѣлали. Я ихъ научилъ.

Маниловъ кротко вздохнулъ и укоризненно покачалъ головой.

— Нехорошо вы это дѣлаете!.. Прѣхали въ нашъ домъ, мы приняли васъ, какъ самаго дорогаго гостя, какъ родного, а вы намъ дѣтей портите.

— Съ тѣмъ и возьмите, — ухмыльнулся Ердацагинъ. — Хочу нынче подучить твоихъ щенковъ, чтобы они къ вечеру амбары-подожгли, а въ ванной комнатѣ отвернули всѣ краны.

Маниловъ поблѣднѣлъ:

— Неужели, вы это сдѣлаете?!

— Не ори. Конечно, сдѣлаю. Пусть ребятишки веселятся.

— Но вѣдь въ амбарахъ хлѣбъ! Онъ спорить!

— Чортъ его дери. Зато мнѣ ночью свѣтлѣе будетъ.

Жена Манилова опустила голову и глубоко вздохнула:

— Ахъ, какъ это нехорошо. Вы этимъ нанесете намъ вредъ. И то ужъ сегодня дѣти, благодаря вамъ, дѣлали Богъ знаетъ что: перебили посуду, побросали книги въ огонь, а старшенькій утащилъ бутылку вина и выпилъ ее. Теперь съ нимъ нехорошо.

Ердацагинъ выслушалъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Добре. А кстати: пришлите мнѣ вашего кучера, повара и дворника. Хочу имъ кой-чего посовѣтовать!..

ТОЧКА СОПРИКОСНОВЕНІЯ.

«Большевики высказались противъ вхожденія въ составъ Правительства».

(Изъ газетъ.)

Монархистъ: — Рѣшительно протестую — министр и вдругъ — социалистъ!..

Большевикъ: — Дѣйствительно недопустимо: социалнсть — и вдругъ министр!..

— Именно?... — вздрогнул Маниловъ.

— Хочу сказать, чтобы они утопили васъ въ прудъ.

Madame Манилова поднялась съ мѣста и сказала покорно, хотя въ голосъ ея слышалось страданіе:

— Хорошо... Я, конечно, ихъ вамъ позову — и повара, и кучера, и дворника... И вы имъ можете приказывать, что считаете необходимымъ. Но должна сказать вамъ за себя и за мужа: нехорошо все это. Незаконномѣрно. Мы, конечно, слишкомъ гостеприимны для того, чтобы отказать вамъ отъ дома, — наоборотъ, живите, отдыхайте, — мы очень рады, но... Это все нехорошо, что вы дѣлаете. Вотъ все, что мы находимъ нужнымъ вамъ сказать. Еще чашечку чаю можно предложить? А вотъ печенье... Сама для васъ пекла...

Я думаю, что въ этомъ мѣстѣ читатель уже возмущенъ, уже полѣзъ на стѣну:

— Что вы намъ такое расписываете?! Что это за глупая, неправдоподобная, кошмарная исторія?! Гдѣ это было? Когда? Съ кѣмъ могло это быть?!

Читатель! Если ты такой же честный, какъ я, и если мы прямо взглянемъ другъ другу въ глаза, ты поймешь меня!!

У насъ есть коллективная семья Маниловыхъ: это Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и наше коалиціонное Временное Правительство. И у насъ есть свой Ердашагинъ — неряшливые развязные парни съ небритыми лохматыми сердцами, пріѣхавшіе въ гости къ этимъ сахарнымъ розовощекимъ Маниловымъ, развалившіеся у насъ въ Россіи, положившіе ноги на столъ и поучающіе несчастныхъ малыхъ сихъ — еще крохотныхъ и сопливыхъ Алкивиада иThemistocles:

— Не подчиняйтесь Временному Правительству, хоть будь это раскоалиціонное, раздемократическое! Берите все, грабьте, хватайте за горло! Къ чорту дисциплину! Солдаты, братайтесь съ нѣмцами, къ чорту начальство, къ дьяволу порядокъ! Ой, жги, жги, жги, говори! Теперь настало время: чего твоя нога хочетъ, да здравствуетъ твоя замѣчательная, прекрасная мозолистая нога! Ко всѣмъ чертямъ Учредительное Обраніе, когда-то оно еще будетъ, а теперь свергайте Правительство и бери, хватай что каждому нужно!

«Да здравствуетъ Германія!» — этотъ плакатъ красовался на вокзалѣ, когда встрѣчали вторую партію «эмигрантовъ», и что же, былъ арестованъ нѣмцелюбивый плакатоносецъ? Нѣтъ! Когда Керенскій спросилъ объ этомъ, ему отвѣтили: «Не могли арестовать, ибо онъ членъ Исполнительнаго (?) Комитета».

Гадко! Противно!

Мы, сатириконицы, заслужили право говорить съ любымъ правительствомъ рѣзкимъ прямымъ языкомъ, заслужили тѣмъ, что до революціи съ заткнутымъ ртомъ и связанными руками все-таки кричали девять лѣтъ о русскихъ безобразіяхъ и не боялись ни конфискацій, ни арестовъ, ни лишенія насъ свободы.

Такъ неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданскій долгъ и бросить въ лицо Временному Правительству и Исполнительному Комитету С. Р. и С. Депутатовъ простыя человѣческія слова?

— Стыдитесь! Вамъ народъ вручилъ власть — во что вы ее превратили?! Всякій хамъ, всякій мерзавецъ топчетъ ногами русское достоинство и русскую честь, — что вы дѣлаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь, какъ чортъ ладана, насилія надъ врагами порядка, надъ чортовой анархіей, такъ знайте, что эта анархія не боится насилія надъ вами и она сама пожретъ васъ.

Я весь дрожу сейчасъ отъ возмущенія и негодованія, я знаю, что, можетъ быть, со мной будетъ ютъ горя, стыда и отвращенія истерика, когда я кончу этотъ фельетонъ, но я скажу вамъ прямо и открыто:

— Довольно мямлить! Договаривайте всѣ слова! Ставьте точки надъ «і». Вамъ нужна для спасенія Россіи диктатура — вводите ее! И если Керенскій для порядка прикажетъ повѣсить меня перваго — я скажу: вѣшайте, если это нужно. Но я требую: схватите также властной рукой за шиворотъ и выбросьте вонъ изъ Россіи всѣхъ, кто развращаетъ армію, подстрекаетъ устно и письменно малосознательный народъ, кто губитъ всю Россію!..

Вышвырните, а не сюсюкайте, состроивъ маниловскую сахарную мину: «Ахъ, нехорошо губитъ Россію, ахъ, постыдитесь, товарищи!..»

На васъ идетъ тигръ, не карабкайтесь на трибуну, чтобы сказать ему рядъ прекрасныхъ звучныхъ словъ о задачахъ пролетаріата и о недопустимости насилія.

Временное Правительство и Исполнительный Комитетъ! Къ вамъ я обращаюсь и вамъ я хочу рассказать такой фактъ: на Литейномъ проспектѣ, на линіи трамвая остановился пьяный солдатъ и, растопыривъ руки сказалъ: «Почему трамвай тутъ ходитъ? Не пущу». Понятно, трамвай остановился, и, когда уговоры сойти съ рельсъ не помогли, — позвали милиціонера.

— Товарищъ, сойдите съ рельсъ.

— Что-о? П-шель! Не пущу вагона! Желательно мнѣ гуть стоять.

— Но вѣдь это безпорядокъ. Товарищъ, прошу васъ сойти.

Пьяный съ хитрой улыбочкой качалъ головой и тупо повторялъ одно только слово:

— Н-нѣтъ!

И когда кто-то изъ толпы крикнулъ:

— Да стащите вы его за шиворотъ!

Милиціонеръ благоговѣйно возразилъ:

— Мы не для того завоевали свободу, чтобы примѣнять насиліе надъ свободными гражданами.

И вотъ отъ милиціонера до министра этотъ принципъ пропиталъ собой всю власть:

— Насиліе надъ свободными гражданами не допустимо!

Вѣрно! Надъ гражданами! А надъ опьянѣвшими, обезумѣвшими животными?

Власти! Власти!

Дайте намъ сильную власть!

И если вся Россія затрепещетъ отъ этой власти, и слава Богу.

Это хорошій трескъ! Такъ трещать кости у человѣка, который сладко потянулся передъ тѣмъ, какъ засѣсть за долгую работу.

Министры! Жесткимъ кулакомъ сотрите со своего лица сахарную маниловскую мину, пусть будетъ прозень и величественень ликъ вашъ. Мы, весь русскій народъ, облекли васъ властью — сметайте все гнусное, вредное для дѣла свободы на своемъ пути! ..

Аркадій Аверченко.

И Д Ы М А Р Т А .

Пусть насмѣшливо лжетъ нехорошая карта, —

Только почестъ и слава на гордой тропѣ.

— Цезарь, бойся идъ марта! —

Говоритъ прорицатель въ толпѣ.

Пусть друзья властелина мѣняются круто,

Пусть иные изъ нихъ и враждебны на видъ, —

Неизмѣнна любовь благороднаго Брута...

— Бойся, Кай Юлій, мартовскихъ идъ!

Римъ не тотъ ужъ, что былъ, — это лживое сходство,

Благороднаго Брута зовъ долга увлекъ.

Проситъ жертвъ благородство...

— Цезарь, помни, что мартъ недалекъ!

Заглядѣлася чернь на неожиданные виды,

И на кровь у сената на пыльной тропѣ

Иды марта — кровавыя иды, —

Не солгалъ прорицатель въ толпѣ.

Эммануиль Германъ.

ДОБРЫЙ САМАРИТАНИНЪ.

— Я повезу этого бѣднаго больного на своей лошади, а самъ пойду пѣшкомъ. Кстати же доктора и пропи-
сали мнѣ ходить какъ можно больше пѣшкомъ...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Друзья.

Напрасно оптимисты думают, что у Николая II не осталось друзей. Друзья у него за границей, а заграничные друзья, как заграничные папиросы, гораздо ценнее.

Интереснее всего, что они объявились в Италии, той самой, которая еще недавно предъездом туда бывшего императора, ласково сказала: лучше не надо.

В первые же дни нашей революции „Giornale d'Italia“ заплакала:

„Очень, разумеется, печально — что император должен уйти... Император справедливо пользовался симпатиями союзников, и к нему также весьма хорошо относились либералы и войско... Николай II является из государей наибольшим идеалистом, которых когда-либо видели на троне“...

Но рекорд лиризма побил крупнейший итальянский публицист Растиньяк. По поводу отречения царя он пишет: „История не имеет в своих архивах страницы более благородной, более красивой и вместе с тем более человечной, чем та, которую оставил Николай II, слагая с себя корону... Он дает, уходя с трона, своему заместителю наказ свободы... Вот истинная, великая, святая революция, которая горит в последних словах и последнем акте царя всей Руси. Не стоит ли сама декларация прав человека этого манифеста Николая II? Теперь, вперед, за победу! За общую победу и за цивилизацию!“

— Повидимому, предстоит выгодное дело, как говорят опытные коммерсанты — желаете уступить?

На память истории.

Есть недалёковидные люди, которые могут ворваться в чужой дом и потребовать выдачи приезжей тетки на расправу только потому, что она приехала из Ростова, а в Ростове живет их кредитор.

Евг. Тарле сообщает в „Днѣ“, что сравнительно недавно

к безграничному изумлению Аристиды Бриана, г-н Щегловитов конфиденциально потребовал от него выдачи А. В. Амфитеатрова по обвинению в... кощунствѣ.

Бриану оставалось только запросить срочной телеграммой:

— Как прикажете прислать: обезглавленного, зажаренного, или о-натюрель с чемоданами?

Препятствие.

Скверны те порядки, при которых курьерский поезд может испугаться бродячей кошки. Не лучше и те порядки, когда человек, испугавшись солдатской пуговицы, уезжает в другую страну.

Но еще хуже, повидимому, обстоит дело в Китае, судя по такой телеграмме:

Пекинъ. Парламентъ, обсудивъ билль объ объявленіи войны Германіи, постановилъ, что война можетъ быть объявлена лишь послѣ ухода премьера съ занимаемаго имъ поста.

Мы решительно противъ вовлеченія Китая въ эту войну, такъ-какъ борьба еще и за китайскіе идеалы не очень веселое занятіе, но если китайскій президентъ такая скала, о которую разбивается империализмъ всей страны, съ 400 миллионами жителей, нельзя ли переслать его намъ въ Европу вмѣсто всякихъ конгрессовъ мира... Ибо правильно говорить еще неопубликованная пословица: „Лучше одинъ человекъ противъ войны, чѣмъ сто за нее“.

Поцѣлуйщики.

Кадетская печать такъ болѣзненно зацѣловываетъ всѣхъ, кто увѣряетъ, что Россія погибла plusquamperfectum, что невольно начинаешь искать: не есть ли этотъ обрядъ зацѣловыванья явленіе чисто болѣзненное. Оказывается, что въ Аме-

ХОРОШІЙ ТОНЪ 1917 ГОДА.

Рис. Б. Антоновскаго.

Хозяинъ квартиры. — Простите, господа, вы — анархисты, или жулики? Въ первомъ случаѣ я скромно удалюсь, во второмъ — позову милиціонера.

рикѣ — какъ сообщаетъ „Всем. Пан.“ этотъ видъ болѣзни уже зарегистрированъ медициной.

Въ Нью-Йоркѣ молодой человекъ вошелъ въ вагонъ трамвая и съ мѣста въ карьеръ сталъ цѣловать одну за другой всѣхъ сидѣвшихъ въ вагонѣ женщинъ, которыя положительно остолбенѣли отъ неожиданности. Одна изъ женщинъ, однако, быстро опомнилась и дала ему вѣскую пощечину. Тогда онъ бросился изъ вагона, выскочилъ на ходу и запечатлѣлъ новый поцѣлуй на лицѣ первой встрѣченной имъ женщины. Тутъ въ дѣло вмѣшался полицменъ, но по дорогѣ въ участокъ онъ снова хотѣлъ броситься цѣловать проходившую женщину. Молодой человекъ этотъ, оказалось, страдалъ маніей поцѣлуевъ.

Быстрая смѣна программы должна вѣдь какъ-нибудь дѣйствовать на партійный организмъ. Даже привычный къ заявленіямъ о „красной тряпкѣ“.

Разница во фразахъ.

Плехановъ въ „Единствѣ“ рассказываетъ:

Рошфоръ рассказывалъ когда-то въ своемъ „Фонарѣ“ исторію одного попугая, который, наслушавшись во время французской революціи 1848 года крика: „да здравствуетъ республика!“ такъ хорошо запомнилъ его, что неустанно повторялъ и тогда, когда вторая республика уступила мѣсто второй имперіи. Полицейскій комиссаръ потребовалъ объясненій у собственника опасной птицы. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не одинъ разъ пытался убѣдить своего попугая въ преимуществахъ имперіи, но онъ, какъ видно, уже пережилъ тотъ возрастъ, когда легко мѣняются убѣжденія, и упорно кричитъ: „да здравствуетъ республика!“ Не рѣшившись посадить эту опасную птицу на скамью подсудимыхъ, полиція Наполеона III тайкомъ отравила ее.

Исторія эта о французскомъ попугаѣ — очень поучительная исторія...

И мы увѣрены, что много русскихъ попугаевъ растутъ сейчасъ гдѣ-то, учатся и скоро объявятъ себя...

Опечатка и поправка.

Одна изъ газетъ позволила себѣ сдѣлать опечатку, отъ которой становится жутко.

Вѣтровъ работалъ въ охранномъ отдѣленіи съ 1919 г., освѣдомляя о желѣзнодорожныхъ служащихъ Казанской дороги.

Мы бы не обратили вниманія на эту опечатку, если бы, какъ радостно сообщаетъ „Рѣчь“, не было такихъ вѣстей,

что жители Евпаторіи рѣшили просить объ учрежденіи здѣсь постоянного сыскаго отдѣленія.

Еще пять-шесть недѣль такой паники предъ событіями, и перепуганные горожане и охранное отдѣленіе попросятъ...

Забастовочка.

Бываютъ забастовки, которыя при всемъ желаніи нельзя подвести подъ хронику изъ рабочей жизни.

Какъ сообщаетъ одна вечерняя газета:

Вчера въ Александрo-Невской лаврѣ, по обыкновению, всѣ церкви были заняты заказными обѣднями. Собравшіеся молящіеся встрѣчались сконфуженными священниками и дьяконами, заявлявшими, что могутъ служить обѣдни только безъ пѣвчихъ, такъ какъ единственный монашескій хоръ занятъ въ главномъ соборѣ. Оказывается, что въ субботу вечеромъ всѣ пѣвчіе, не исключая и митроподичихъ, предъявили требованіе объ увеличеніи содержанія и объявили забастовку. Пѣвчіе, большинство которыхъ послушники и, слѣдовательно, будущіе монахи, содержатся на всемъ готовомъ, получая квартиру, освѣщеніе, отопленіе, пищу и одежду, а также прислугу и жалованье изъ кружки, пожелали увеличенія жалованья до 80 р. Очевидно, будущимъ монахамъ, гораздо лучше обставленнымъ матеріально, чѣмъ настоящіе монахи, нужны деньги на удовольствія въ предвкушеніи грядущаго обѣта воздержанія.

Требованіе совершенно не носитъ характера справедливости. Люди служатъ Богу, а требуютъ прибавки у настоятеля...

Договорились.

Одинъ изъ органовъ слишкомъ крайняго теченія, иногда переливающегося за грани логики, къ вопросу о милиціи подходит такимъ страннымъ образомъ:

Если за Нарвской заставой населеніе достигаетъ хотя бы двухсотъ тысячъ человекъ, то можно считать, что не менѣе 120 тысячъ можетъ быть употреблено для милиціи.

Иными словами, ежемѣсячно не менѣе десяти тысячъ человекъ или въ недѣлю не менѣе 2 тысячъ или каждый день не менѣе 350 человекъ.

Позвольте, если на одного гражданина будетъ приходиться по $1\frac{2}{3}$ милиціонера (20000:12000) — сколько нужно каждому не-милиціонеру совершить преступленій, чтобы оправдать такой штатъ охранителей? Вѣдь, если бы цѣлый городъ

наполнить дѣтоубійцами, профессионалами-поджигателями и любителями-конокрадами, и тѣ подняли бы знамя возстанія противъ существующаго строя.

Бухгалтерія висѣлицы.

Есть статистика, о которой нужно или молчать или кричать. Спокойно о ней говорить нельзя.

Правительство, — говоритъ въ „Днѣ“ Гернетъ, — не опубликовало свѣдѣній о числѣ приговоренныхъ и казненныхъ, по частнымъ же исчислениямъ, число приговоровъ къ смерти только за 1906—1909 г. превысило 6.268; въ теченіе 1908 г. не прошло ни одной недѣли менѣе чѣмъ безъ семи казней, но число казненныхъ въ недѣлю достигало даже 36. Общее число казненныхъ въ 1903 году въ одной Россіи превысило число казненныхъ въ 32-хъ государствахъ и колоніяхъ Европы, Азіи, Африки, Австраліи и Америки и было въ 21 разъ больше числа казненныхъ во всѣхъ государствахъ Европы.

Что тамъ Европа... Если мы и прорубали къ ней окно, то только для того, чтобы высунуться изъ этого окна и благимъ матомъ закричать:

— Караулъ... Вѣшаютъ...

КАКЪ НА РУСИ КАДЕТЫ ПЕРЕВЕЛИСЬ.

Когда-то былъ кадетъ, имѣлъ особыя примѣты — конституціонная монархія, война до побѣды, кличка — Милюковъ.

Потомъ кадетъ полинялъ.

На улицѣ одинъ прохожій показывалъ другому:

— А вотъ Милюковъ пошелъ.

— Какой тамъ Милюковъ?! Это обыкновенный республиканецъ.

— Республиканецъ, но Милюковъ. Видишь, на правую ногу немного прихрамываетъ.

— Почему же онъ прихрамываетъ?

— Гдѣ-то около Царьграда ногу вывихнулъ.

Прошелъ еще мѣсяць.

Приходитъ въ одинъ домъ кадетъ и рекомендуетъ:

— Я — Павелъ Николаевичъ Милюковъ.

— Что вы, что вы, одумайтесь. На себя клеветете.

— Честное слово, Милюковъ.

Хозяйка позвала мужа.

— Посмотри на этого господина. Особыхъ примѣтъ не имѣетъ, а поворитъ, что Милюковъ.

— Послушайте, господинъ, вы серьезно Милюковъ или притворяетесь?

— Ланцетомъ Шингарева, фраккомъ Винавера, каеэдрами всѣхъ профессоровъ клянусь, что я — Милюковъ.

— А какъ же проливы?

— Проливы пришлось засыпать. Взять ихъ безъ боя нельзя, а для боя нужны солдаты. Въ партіи же у меня всѣ Вольтеры, и ни одного фельдфебеля. Переплыть тоже нельзя, даже со спасательнымъ кругомъ изъ «Рѣчи», прослоеннымъ «Современнымъ Словомъ». Вотъ и пришлось засыпать. Теперь нѣтъ проливовъ, и мы имѣемъ свободный выходъ въ лѣвое море.

— Значитъ, вмѣсто проливовъ, земля?

— Да, земля.

— Земля-то кому же?

— Земля трудящимся. Кадеты трудились — ихъ земля. Здѣсь у насъ будетъ черта кадетской осѣдлости.

Милюковъ ушелъ.

Но черезъ недѣлю пришелъ опять.

— Зашелъ попрощаться. Ёду въ Константинополь. Ликвидировать земельный вопросъ.

— Какой же земельный вопросъ? Земля трудящимся.

— Я относительно земли на проливахъ. Говорятъ — безъ аннексій и контрибуцій. Нужно ее тѣкамъ отдать.

— Ёдете отдавать?

— Да, — вздохнулъ Милюковъ, а затѣмъ закрылъ плотно двери, оглянулся и на ухо сказалъ: — По справедливой оцѣнкѣ. Они получаютъ землю, а мы — годовыхъ подписчиковъ на «Рѣчь».

Уѣхалъ Милюковъ.

А когда возвратился, то былъ избранъ въ районную думу отъ большевиковъ.

Такъ перевелись кадеты на Руси. И Милюковы стали товарищами.

Викторъ Сѣвскій.

